

а также основанного на ней нового перевода на современный русский язык. Потребуется также написание уточненных историко-географических и текстологических комментариев и статей, посвященных хронотопу «Хождения за три

моря» Афанасия Никитина, его изучению и восприятию в Новое и Новейшее время, происхождению и бытованию его списков в древнерусской рукописной традиции. Фундамент для такой работы уже существует.

DOI: 10.31860/0131-6095-2024-2-254-257

© П. Е. Бухаркин

ГАРМОНИЯ СВОБОДНЫХ СМЫСЛОВ*

Начну с личного воспоминания: много лет назад, вручая мне только что выпшедшую белоголубую книгу «Пушкин и Лермонтов в истории русской литературы», Владимир Маркович сказал, что ему хотелось бы видеть свои работы о Пушкине, объединенные под одной обложкой. В той, давней, 1997 года, книжке замысел этот был осуществлен не вполне. Во-первых, в нее не вошли его ранние, первой половины 1960-х годов, исследования о «Евгении Онегине»; Владимир Маркович тогда же объяснил свое решение тем, что они написаны в иной манере и стилистически будут отличаться от других разделов. А во-вторых, в сборнике 1997 года Пушкин соседствовал с Лермонтовым; подобное соседство в какой-то степени переориентировало внимание читателя с самого Пушкина на литературное движение, на переход от Пушкина к Лермонтову. И вот теперь, через семь лет после кончины ученого, выходит книга, уже в полной мере соответствующая сказанному Владимиром Марковичем более чем четверть века назад: в ней объединены все его работы, так или иначе связанные с Пушкиным. Выходит она в свет прежде всего благодаря благородным трудам Е. Н. Григорьевой, которая, являя пример действительной преданности памяти своего учителя, до этого подготовила к изданию курс лекций В. М. Марковича по истории русской литературы первой трети XIX века («Русская литература Золотого века», СПб.: Росток, 2019. 748 с.) и его тургеневские штудии («О Тургеневе. Работы разных лет», СПб.: Росток, 2018. 542 с.). К последнему изданию книга о Пушкине особенно близка, даже их заглавия совершенно однотипны.

Книга 2023 года (как и тургеневский том) имеет подзаголовок: работы разных лет. В нее, действительно, вошли статьи, написанные в течение очень длительного времени: первая («Из наблюдений над композицией „Евгения Онегина“») датируется 1963 годом, а самые поздние («Трансформация пушкинского мифа о поэте и поэзии в лирике поэтов ленинградского андеграунда» и «Реанимация петербургского

текста в поэзии ленинградского андеграунда (середина 1950-х — конец 1980-х годов)») — 2005 годом. Сорок два года пролегли между ними, что само по себе — большое время. А учитывая перемены, произошедшие за эти четыре десятилетия, время это становится еще большим. Между прочим, и с 2005 года, когда были написаны последние статьи тома, русская культура прошла огромный по внутренней значимости путь; многое в ней сейчас требует критического пересмотра, критического в том смысле, какой вкладывал в излюбленное им слово «Kritik» И. Кант.

В связи с этим и возникает главный вопрос, который встает перед читателем пушкинской книги В. М. Марковича: а что дает она нам ныне, чем интересна и чем нас обогащает? Именно об этом я и попытаюсь сказать, именно это и представляется мне важным в первенствующей степени. Все же сегодня было бы немного странно полемизировать с теми или другими идеями ее автора, которые, между прочим, давно стали достоянием литературоведческого сознания в целом (хотя, замечу в скобках, некоторые построения и характеристики Владимира Марковича вызывают у меня определенные возражения). Но вот попытаться представить себе вклад В. М. Марковича в пушкинистику, увидеть, каким выглядит в наших глазах его исследовательский облик в своем развитии, насколько он целен и в какой степени менялся со временем, была ли в его пушкинистике некая магистральная идея? — вот на эти вопросы хотелось бы дать, пусть и самые приблизительные и краткие, ответы. Этого, между прочим, как бы требует творчество самого Марковича — он много и проникновенно писал об ученых — и об относительно далеких предшественниках (А. Н. Веселовском и Г. А. Гуковском), и о старших своих коллегах — Г. П. Макогоненко и Г. А. Бялом, и о своих современниках — В. Э. Вацуру или, скажем, В. Шмиде.¹ Теперь пришла очередь взглянуться в него самого.

¹ Большинство работ В. М. Марковича такого рода вошли в его книгу: *Маркович В. М. Мифы и биографии. Из истории критики и литературоведения в России.* СПб., 2007.

* *Маркович В. М. О Пушкине. Работы разных лет.* СПб.: Росток, 2023. 351 с.

Прежде всего, соединенные под одной обложкой пушкинские статьи Марковича наглядно показывают основные направления аналитических интересов ученого в направлении Пушкина: что его интересовало в наибольшей степени, какие произведения и проблемы привлекали в первую очередь. Если говорить о текстах, то это, безусловно, «Евгений Онегин»: из тринадцати статей книги четыре посвящены роману в стихах (уже упоминавшаяся «Из наблюдений над композицией „Евгения Онегина“», «Как смеется автор „Евгения Онегина“», «Сон Татьяны в поэтической структуре „Евгения Онегина“», «О значении „одесских“ строф в „Евгении Онегине“»). А среди проблем, привлекавших особое внимание исследователя, центральной, вероятно, был вопрос о рецепции Пушкина последующей русской литературой, позднейшие трансформации его художественного мира и отклики на него — и на его творчество, и на него самого (как важнейшее личностное явление нашей культурной истории). Причем отклики в самом прямом смысле весьма позднейшие, принадлежащие уже неклассической литературной эпохе: или совершенно отчетливо неклассические, как ленинградский литературный андеграунд, или же относящиеся к моменту слома классического искусства, как А. П. Чехов. Данный круг вопросов становится предметом рассмотрения (причем весьма многоаспектного) в пяти завершающих сборник частях («Пушкин, Чехов и судьба „леелеющей душу гуманности“», «Реминисценции „Медного всадника“ в ленинградской неофициальной поэзии 60–80-х гг. (К проблеме петербургского текста)», «Пушкин как персонаж лирической поэзии „ленинградского андеграунда“», «Трансформация пушкинского мифа о поэте и поэзии в лирике поэтов ленинградского андеграунда», «Реанимация петербургского текста в поэзии ленинградского андеграунда (середина 1950-х — конец 1980-х годов)»).

Сказанное совсем не означает, что другие пушкинские произведения и проблемы пушкинского творчества Марковича не волновали; вовсе нет: работы о «Повестях Белкина» («„Повести Белкина“ и литературный контекст», решусь сказать, одна из лучших работ Марковича вообще), о политической лирике или о пушкинском реализме («Чудесное в интимной и политической лирике Пушкина. К проблеме: Пушкин и русский утопизм»; «Пушкин и реализм. Некоторые итоги и перспективы изучения проблемы») свидетельствуют об обратном. И все же — «Евгений Онегин» и место/роль Пушкина в истории литературы — вот центры пушкилистики Марковича.

Это не удивительно: судьбы русского романа и общие пути развития русской литературы XIX–XX веков, в частности, вопрос о взаимоотношениях классики и авангарда (так назывался многолетний его семинар в Петербургском университете) всегда были в центре научных интересов Марковича.

Второй важный момент, на котором я хотел бы остановиться, можно назвать восстановле-

нием исторической справедливости; он тоже связан с «Евгением Онегиным». Открывающая книгу «О Пушкине» статья 1963 года — «Из наблюдений над композицией „Евгения Онегина“» — не может не поразить тем, что она в известной мере предвосхищает совершенно новое, иное, нежели прежде, понимание романа в стихах, которое заявило о себе как раз в середине 1960-х годов. Даже не предвосхищает, предвосхищение тут не вполне уместное слово, новый взгляд на «Евгения Онегина», пожалуй, впервые в статье Марковича нашел свое выражение; знаменитые статьи Ю. М. Лотмана и С. Г. Бочарова появились позже,² тем более статья Ю. Н. Чумакова «Состав художественного текста „Евгения Онегина“», датирующаяся вообще 1970 годом.³ Владимир Маркович оказался в данном отношении первым.

Конечно, новое прочтение пушкинского романа родилось, так сказать, в общей атмосфере первой половины 1960-х годов, различные ученые выразили его независимо друг от друга и каждый — по-своему. Тем не менее тот факт, что В. М. Маркович был среди них первым, заслуживает упоминания. И — памятования. Некоторые же совпадения (более чем относительные, совпадения в общем подходе и глобальном видении, а никак не в деталях или ракурсе анализа) с идеями других ученых, конечно же, очень интересны — они показывают место Марковича в движении пушкилистики. Владимир Маркович оказывается рядом, в одном ряду, с Ю. М. Лотманом, С. Г. Бочаровым, Ю. Н. Чумаковым, к ним необходимо добавить и В. А. Грехнева. Их совместные труды и определили, в конце концов, иное, чем ранее, отношение к Пушкину вообще, и среди другого — к «Евгению Онегину».

С этим связано третье, о чем мне хотелось бы сказать. При всей отчетливой и резкой оригинальности, Владимир Маркович, как и любой человек, принадлежал своему времени. И в собственных литературоведческих исследованиях он, естественно, его отражал. Но именно время, эпоху; они определяли его исследовательский почерк, а не какие-либо школы и методологии. Многие из этих методологий он усваивал, оставаясь при этом самим собой, Марковичем, с «лица необщим выраженьем», а не адептом какой-либо системы. Здесь он вновь стоит в одном ряду с С. Г. Бочаровым, Ю. Н. Чумаковым, А. П. Чудаковым. При всем их очевидном несхождении, между ними есть немало типологически общих черт.

² Лотман Ю. М. Художественная структура «Евгения Онегина» // Труды по русской и славянской филологии. IX: Литературоведение. Тарту, 1966. С. 5–32 (Учен. зап. Тартуского гос. ун-та; вып. 184); Бочаров С. Г. Форма плана (некоторые вопросы поэтики Пушкина) // Вопросы литературы. 1967. № 12. С. 115–136.

³ Чумаков Ю. Н. Состав художественного текста «Евгения Онегина» // Пушкин и его современники. Псков, 1970. С. 20–33 (Учен. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена; т. 434).

Живя в своем времени, В. М. Маркович, естественно, менялся вместе с ним, оставаясь при этом в своей сути неизменным (говорю о его научном облике, о Марковиче — ученом). Это представляется крайне важным. О таком постоянстве в развитии он сам писал в небольшой статье о В. Шмиде;⁴ относительно Шмида, думаю, он был не прав, но вот к нему самому подобные слова более чем применимы. Хорошо помню услышанное от Владимира Марковича много лет назад суждение Е. И. Ляпушкиной о К. Малевиче: он проходил через разные влияния и эстетические системы, тем не менее всегда оставаясь Малевичем; похожее происходило и с Пушкиным. В известном смысле то же можно сказать о самом Марковиче.

Целостность его личности как литературоведа ясно проявлялась в стиле его работ. Стиль этот, разумеется, с годами менялся, но в главном оставался все тем же; в давнем своем разговоре Маркович ошибался, полагая, что ранние его статьи будут внешне отличаться от более поздних. Пушкинский том 2023 года превосходно демонстрирует их стилистическое единство. Все вошедшие в него работы отмечены глубоким чувством меры, тем, что барочные риторики определяли как *desogum*; им присуще то внутреннее равновесие и гармоническая завершенность, которые ученые находили в романах И. С. Тургенева. Причем в основе подобной гармонии лежит уравновешенность мысли, находящей воплощение в точных, согласованных друг с другом словах; филологический стиль Марковича вполне можно определить как «гармоническую точность». И не удивительно, что, возможно, наибольших успехов ученый достиг в анализе Пушкина, прозы Лермонтова, Тургенева, отчасти — Чехова — создателей художественных миров, отмеченных стройной соразмерностью, во всяком случае — в стилистических своих регистрах. Как мне кажется, результаты обращения Марковича к творчеству Гоголя или же поэзии ленинградского андеграунда, при всей серьезности и достижениях, были все же менее впечатляющими.

Четвертый момент, требующий, по-моему, внимания, тоже, в конце концов, связан с эпохой, определившей направленность и характер научных трудов В. М. Марковича. 1960-е годы отмечены активным интересом к поэтике; в отличие от формалистов 1920-х годов, для нового поколения литературоведов (конечно, только для небольшой и, осмелюсь сказать, — лучшей его части) исследование поэтики было необходимым прежде всего потому, что без него невозможно было бы постигнуть художественный смысл; цель этих ученых как раз и состояла в том, чтобы этот смысл, вернее динамическое соединение разных смыслов, понять,

причем исходя из самого текста; не внося в свою интерпретацию внеположных произведению идей, а вникая в интенции самого произведения. В такой позиции, как представляется, скрывалась глубочайшая, хотя и совсем непрямая переключка с эпохой: внимание к другому, уважение к нему, попытка услышать *его* собственный голос — все это, несомненно, присуще культурному сознанию тех лет; с этим, вероятно, отчасти связано стремительное распространение идей М. М. Бахтина, кстати сказать, оказавших на Марковича мощное и плодотворное влияние. В литературоведении следствием этой атмосферы стала установка на *понимание* (о принципиальной важности именно этого понятия писал С. Г. Бочаров во введении к одной из своих итоговых книг⁵). На понимание как вычитывание из текста присущих ему поэтических идей, выражаемых всеми элементами его структуры. В результате текст начинал осознаваться как ошествленный в слове голос другого человека, в который надо чутко вслушиваться — с предельным вниманием и максимальным уважением (именно так, как известно, определял филологию еще один из шестидесятников — С. С. Аверинцев). Эпохальным примером этому стала небольшая книжка С. Г. Бочарова о «Войне и мире».⁶ Явлением такого же рода было — и оставалось до конца — научное творчество В. М. Марковича.

В последние полтора-два десятилетия в литературоведении произошла отчуждающая переориентация с текста на контекст: не художественный текст в его полисемантической вызывает сейчас преимущественный интерес, а разнообразные контексты, с которыми он так или иначе связан. Осмысление поэтических идей все более отходит на задний план. А для В. М. Марковича (как и для других только что названных филологов) как раз оно, осмысление, и составляет главный нерв литературоведческого исследования. Он оставил нам замечательные образцы таких осмыслений и построенных на их основе концепций; «пушкинская» их часть и составляет книгу «О Пушкине». Эта книга, в какой-то мере, наследство ушедшей эпохи, но наследство полное жизни и, как представляется, крайне актуальное: как бы ни были важны политический, социальный, экономический, психологический и т. п. ряды, с которыми сопряжено литературное произведение, оно, если это высокая литература, а не массовая беллетристика, неизменно остается искусством и все свои другие задачи решает исключительно как искусство, через свои художественные смыслы. Книга Марковича на примере разных пушкинских произведений и показывает филологам новых уже генераций (и хочу думать — будет показывать еще долгое время), как эти

⁴ Маркович В. М. После постструктурализма: О книге В. Шмида «Проза как поэзия» // Russian Studies: Ежеквартальник русской филологии и культуры. СПб., 1995. № 2. С. 413–429.

⁵ Бочаров С. Г. Сюжеты русской литературы. М., 1999. С. 11–12. Замечу, так сказать, на полях, что для В. М. Марковича отличие понимания от интерпретации было не столь острым.

⁶ Бочаров С. Г. Роман Льва Толстого «Война и мир». М., 1963.

художественные смыслы ощутить и выразить их словом науки.

Книга «О Пушкине» несет в себе, передавая его последующим эпохам, и опыт несколько другого рода, возможно, еще более важный. Опыт этот связан уже с метанаучными, гуманистическими целями, которые литературоведение (в лице не очень многих, но самых выразительных своих представителей) так успешно достигало с конца 1950-х годов — в течение нескольких десятилетий. Оставаясь в собственных строгих пределах и не переступая границ науки, оно, одновременно с этим, некоторым образом входило непосредственно в жизнь, указывая своим читателям важнейшие жизненные ориентиры, которые позволяли им, оценивая происходящее вокруг, выбирать определенную жизненную позицию. Ну а если и не выбирать, то, во всяком случае, осознавать возможность такого выбора. Об этом, в частности, выразительно писала О. А. Седакова, имея в виду Ю. М. Лотмана и Тартускую школу.⁷ Но далеко не только в Тарту происходило подоб-

ное. В частности, сверхсмыслы такого типа обнаруживаются в работах Марковича, прежде всего в тех, что посвящены Пушкину. В статьях, составивших нынешний пушкинский том, все время звучит одна идея, образующая магистральный сюжет пушкинистики ученого. Это — идея свободы. Маркович показывает, как эта свобода обуславливает композицию «Евгения Онегина», как проявляется она в политической лирике и, совсем по-другому, определяя мир «Повестей Белкина». Более того, свободу, уже как свободу общения с самим собой, Пушкин передает далеким своим потомкам, что проявляется в поэзии ленинградского андеграунда в ее отношениях с Пушкиным. Эта пушкинская свобода неразрывно связана с милостью, милостью к падшим, т. е. ко всем нам. Свободный человек уважает свободу других людей, и в другом он видит такого же свободного человека, как он сам. «Пушкин, тайную свободу пели мы вослед тебе» — с тактом и сдержанностью, оставаясь литературоведом, В. М. Маркович именно это выделял, в совершенно разных аспектах, в творчестве Пушкина. И его собственное литературоведческое творчество зарядилось тою же самой пушкинской свободой. И продолжает передавать ее своим читателям — как драгоценный и выстраданный вопреки многому дар.

⁷ Седакова О. А. «Вечные сны, как образчики крови...». О Юрии Михайловиче Лотмане и структурной школе в контексте культуры 70-х годов // Лотмановский сборник. [Вып.] 1. М., 1995. С. 262–263.

DOI: 10.31860/0131-6095-2024-2-257-259

© И. Н. Сухих

ЧЕХОВИАНА А. П. ЧУДАКОВА*

Даже не верится, что этот огромный труд наконец завершен. Два тома, больше тысячи страниц, 6040 записей, пять указателей, занимающих 200 страниц. Кажется, такой персональной библиографии в нашей филологии не было. А в чеховедении — не было точно.

Александр Павлович Чудаков (1938–2005) сегодня больше известен как беллетрист. Его единственный «роман-идиллия» «Ложится мгла на старые ступени» (2000) уже после внезапного ухода получил премию «Букер десятилетия» (2011) и многократно переиздавался; совокупный тираж книги, вероятно, превышает 100 000 экземпляров.

Филологические интересы А. П. Чудакова были широки и разнообразны. Он много занимался общей поэтикой и даже внутри нее придумал новую дисциплину — ресологию («наука об отношении человека к предметно-

му миру, в который он погружен и который формирует его»). Он готовил и комментировал переиздания филологической классики: Ю. Н. Тынянова, В. Б. Шкловского, своего учителя В. В. Виноградова.

Но главной его любовью и предметом научного интереса был Чехов. Книги о нем «Поэтика Чехова» (1971) и «Мир Чехова: возникновение и утверждение» (1986),¹ написанные на основе кандидатской и докторской диссертаций, пожалуй, уже встают в тот ряд, который я воспроизвел несколькими строками выше. Чудаков был одним из главных докладчиков на многочисленных чеховских конференциях. Из его статей о Чехове можно составить еще один (пока не собранный) том.

Параллельно с этим всю свою научную жизнь — сорок лет — Чудаков занимался работой, которая обычно представляется подцензурной: библиография прижизненной критики о Чехове начинается с мимолетного упоминания

* Чудаков А. П. А. П. Чехов в прижизненной критике 1882–1904. Библиографическая монография-указатель. М.: Театральный музей им. А. А. Бахрушина, 2022. Т. 1. 520 с.; 2023. Т. 2. 500 с. (Бахрушинская сер.).

¹ См. рецензию на это издание: Сухих И. Н. Движение концепции // Русская литература. 1988. № 2. С. 238–241.

22. *Kuchkin V. A.* Sud'ba «Khozheniia za tri moria» Afanasiia Nikitina v drevnerusskoi pis'menosti (k 500-letiiu puteshestviia Afanasiia Nikitina po Indii) // *Voprosy istorii*. M., 1969. № 5.
23. *Kudriavtsev I. M.* Sbornik poslednei chetverti XV — nachala XVI v. iz Muzeinogo sobraniia: Materialy k issledovaniiu // *Zapiski Otdela rukopisei GBL*. M., 1962. Vyp. 25.
24. *Kudriavtsev M. K.* [Rets. na:] L. S. Semenov. Puteshestvie Afanasiia Nikitina // *Voprosy istorii*. 1982. № 6.
25. *Likhachev D. S.* Vstupitel'noe slovo na zasedanii redkollegii serii, obsuzhdauiushchem problemy izdaniia «Literaturnykh pamiatnikov» (Khozhdeniia v strany i veka) // *Inostrannaia literatura*. 1983. № 3.
26. *Likhachev D. S.* Zadachi serii «Literaturnye pamiatniki» // *Russkaia literatura*. 1977. № 4.
27. *Lur'e Ia. S.* Afanasii Nikitin // *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi*. L., 1988. Vyp. 2. Vtoraia polovina XIV — XVI v. Ch. 1. A–K.
28. *Lur'e Ia. S.* Obshcherusskie letopisi XIV–XV vv. L., 1976.
29. *Muzeinoe sobranie rukopisei*. Opisanie. M., 1997. T. 2. № 3006–4500 / *Izd. podg. T. A. Isachenko*.
30. *Naik J. A.* Russia's policy towards India: from Stalin to Yeltsin. New Delhi, 1995.
31. *Novikova O. L.* Iz istorii redaktsirovaniia letopisnykh pamiatnikov v Kirillo-Belozerskom monastyre na rubezhe XV–XVI vekov // *Letopisi i khroniki. Novye issledovaniia*. 2011–2012. M.; SPb., 2012.
32. *Novikova O. L.* Iz istorii russkoi knizhnosti rubezha XV–XVI stoletii: Rukopisi episkopa Nikona // *Vestnik «Al'ians-Arkheo»*. M.; SPb., 2023. Vyp. 43.
33. *Novikova O. L.* Sbornik knizhnika rubezha XV–XVI vekov s rasskazami o Florentiiskoi unii i afonskikh monastyriakh: Opyty atributsii // *Kapterevskie chteniia*. Sb. statei. M., 2011. [Vyp.] 9.
34. *Pliguzov A.* Tekst-kentavr o sibirskikh samoedakh. M.; N'iutonvil', 1993.
35. *Pokhlebin V. V.* Istoriia vodki. M., 2005.
36. *Poln. sobr. russkikh letopisei*. M., 2001. T. 6. Vyp. 2.
37. *Posle Marko Polo: Puteshestviia zapadnykh chuzhezemtsev v strany Trekh Indii / Per. s lat. i staroit. iazyka, vvedenie i prim. Ia. M. Sveta. M., 1968 (ser. «Puteshestviia po stranam Vostoka»).*
38. *Semenov L. S.* K datirovke puteshestviia Afanasiia Nikitina // *Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny*. L., 1978. T. 9.
39. *Shibaev M. A.* D'iak Vasilii Mamyrev — moskovskii knizhnik vtoroi poloviny XV v. // *Rossiiskoe dvorianstvo (XII — nachalo XX v.): Aktual'nye problemy istoricheskogo issledovaniia*. SPb., 2008.
40. *Slovar' russkogo iazyka XI–XVII vekov*. M., 1982. Vyp. 9.
41. *Tolstov V. A.* Afanasii Nikitin. M., 2023 (ser. «Zhizn' zamechatel'nykh liudei»; vyp. 1978).
42. *Vvedenskii A. M.* Datirovka puteshestviia Afanasiia Nikitina za tri moria: novyi vzgliad // *Slověne = Словѣне*. 2023. T. 11. № 2.
43. *Zimin A. A.* [Rets. na:] «Khozhenie za tri moria Afanasiia Nikitina 1466–1472 gg.» / *Pod red. akad. B. D. Grekova i chl.-korr. AN SSSR V. P. Adrianovoi-Peretts*. M.; L., 1948 // *Voprosy istorii*. 1949. № 7.
44. *Zimin A. A.* Formirovanie boiarskoi aristokratii v Rossii vo vtoroi polovine XV — pervoi treti XVI v. M., 1988.
45. *Zimin A. A.* Novye spiski «Khozheniia» Afanasiia Nikitina // *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*. M.; L., 1957. T. 13.

Петр Евгеньевич Бухаркин

ассоциированный научный сотрудник
Института лингвистических исследований РАН

Petr Yevgenyevich Bukharkin

Associate Researcher,
The Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0002-0620-0367

p_bukharkin@hotmail.com

ГАРМОНИЯ СВОБОДНЫХ СМЫСЛОВ

THE HARMONY OF UNRESTRAINED MEANINGS

[Рец. на:] *Маркович В. М.* О Пушкине. Работы разных лет. СПб.: Росток, 2023. 351 с.
[Review:] *Markovich V. M.* O Pushkine. Raboty raznykh let. SPb.: Rostok, 2023. 351 s.

Игорь Николаевич Сухих

профессор Санкт-Петербургского государственного университета

Igor Nikolaevich Sukhikh

Professor, St. Petersburg State University

ORCID: 0000-0002-5146-8733

igorlit50@mail.ru

ЧЕХОВИАНА А. П. ЧУДАКОВА

CHEKHOVIANA OF A. P. CHUDAKOV

[Рец. на:] *Чудаков А. П.* А. П. Чехов в прижизненной критике 1882–1904. Библиографическая монография-указатель. М.: Театральный музей им. А. А. Бахрушина, 2022. Т. 1. 520 с.; 2023. Т. 2. 500 с. (Бахрушинская сер.).

[Review:] *Chudakov A. P.* A. P. Chekhov v przhiznennoi kritike 1882–1904. Bibliograficheskaja monografiia-ukazatel'. M.: Teatral'nyi muzei im. A. A. Bakhrushina, 2022. T. 1. 520 s.; 2023. T. 2. 500 s. (Bakhrushinskaia ser.).

Сергей Викторович Денисенко

ведущий научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Sergei Viktorovich Denisenko

Leading Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0001-8274-8618

sden-x@mail.ru

**ДЕСЯТАЯ АПРЕЛЬСКАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ
МЕЖДИСЦИПЛИНАРНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«ВСЕ ТРЕВОГИ МИРА: БЕСПОКОЙСТВО В ЛИТЕРАТУРЕ И ИСКУССТВЕ»**

**ALL THE WORRIES OF THE WORLD: ANXIETY IN LITERATURE AND ART
TENTH APRIL INTERDISCIPLINARY
INTERNATIONAL RESEARCH CONFERENCE**

[Meeting Abstract]